

**Наталья
МЕЛЁХИНА**
г. Вологда

РОДИНА

(цикл миниатюр)

Мои племянники из деревни рисовали Россию. Мелками на асфальте. Занятие само по себе сложное для деревенских детей хотя бы потому, что для него как минимум нужны цветные мелки, а их в сельмаге не продают, и асфальт, которого в нашей Паутинке нет. Мелки я привезла из города, а большой асфальтовый «холст», по счастью, есть в соседней деревне Палкино у животноводческих ферм.

Лет десять назад тут проходил конкурс на лучшую доярку России, и специально для иномарок VIP-гостей сделали большую площадку-парковку. Лучшей дояркой стала моя двоюродная сестра Лена, ей подарили «Волгу». Гости уехали, асфальт остался. Словом, со всех сторон польза от этого конкурса получилась, причем, как оказалось, особенно для моей среднестатистической российской семьи.

Племянники теперь по асфальту катаются на роликах, великах и вот рисуют. И, видно, это теперь какое-то «место силы», потому что тематику для рисунков ребяташки выбирают общероссийскую. А теперь я расскажу, как выглядит наша страна с точки зрения наших детей.

В центре – огромная, просторная и очень красивая

деревня Паутинка (для справки: в деревне нашей четыре постоянно жилых дома). Это, так сказать, сердце родины. Вокруг деревни поменьше: Лупочино, Палкино. Есть поселок Слобода, а в нем изображена весьма реалистично школа, где дети учатся. К школе едет автобус, на котором ребяташек возят на учебу. Есть райцентр Грязовец и Вологда в виде церкви с огромным крестом на зеленой маковке. Очевидно, племянникам так запомнился Софийский собор, куда однажды я возила их на экскурсию.

Где-то сбоку притулилась малюсенькая Москва. И никакого банального Кремля. Небоскреб, набитый под завязку людьми. Если взять все население одного нашего Междуреченского района (а это около 6000 человек) и утрамбовать их в одну многоэтажку, такая же получится картина, как на асфальте – руки-ноги, лица, кошки, цветы в горшках из всех окон торчат, белье на балконах сушится....

Не знаю, как в такой миниатюрненькой Москве все москвичи помещаются. Тесно там, наверное. Ехали бы к нам в Вологодскую область. В Междуреченский район, к примеру.

Из чьего-то окна на самом-самом верху высунулся российский флаг. Дети сказали, что из окна президента. Его квартира на рисунке вообще-то больше напоминает смотровую площадку на сторожевой башне. Вот оттуда, сидя под флагом

России, он, по мысли детей, и управляет страной. Наверное, ему и Паутинку оттуда видно.

Питер тоже на карту попал, но ему с местом расположения не повезло. Лето в этом году было дождливым, и кое-где на асфальте образовались плохо просыхающие лужи. Возле них мелки у детей крошились, и получилось что-то вроде фрески: особая цветопередача по мокрой поверхности. Очертания у Петербурга, прямо скажем, размытые из-за сырости. Туманные. Город-призрак.

На всё, что за Уральскими горами, мелков не хватило. Очень уж Россия огромная. Не страна, а Вселенная. И вечно в ней кому-нибудь чего-нибудь не хватает: кому-то Кремля, а кому-то – цветных мелков в деревенском магазине.

Россию на асфальте наверняка очень скоро смыло бы очередным дождем. Но на ровной площадке перед фермами очень удобно хранить корма для коров. Приехал трактор и выгрузил прямо на Россию большую скирду сена.

С нашей страной так постоянно происходит: как только ей угрожает очередное уничтожение, является витязь на белом коне (или на синем тракторе) и спасает ее. И лежит она теперь под сухими ароматными травами, надежно спрятанная от всех непогод и невзгод. Зимой еще и покрыва снегов ее укроют. Ну а весной докупим новых мелков и раскрасим страну новыми, свежими красками. Только купить надо побольше, чтоб от Паутинки до самого Владивостока хватило.

РУССКАЯ ДОРОГА

Постоянные поездки в самые дальние уголки Родины – обычное дело для нас, журналистов. Недавно была в командировке в Бабаевском районе Вологодской области. Почему-то именно там на отрезке от поселка Лентьево до райцентра Бабаева особенно остро осознаешь, что русская дорога – это не просто путевая артерия, а состояние души и ума. Хочется не то водки хряпнуть, не то сплясать под гармонь – очень уж устаешь сидеть в неподвижности, когда поездка длится долго.

Смотришь в окно на ели и сосны, покрытые снегом, на реки, скованные льдом или все еще тщетно борющиеся за свободу течения, на угасающие искорки-оконца деревушек и на заревопожарище городов, и такая тоска берет за серд-

це! Неизбывная, генетически заданная константа. Начало начал. Точка отсчета для русского характера. И вспоминаются все ушедшие, любимые, родные... И ныне живущие, ждущие дома. И те, кто обидел, и те, кто обижен на тебя. И всё, что не сделал, и всё, что так и не успеешь сделать до завершения пути. И вот то ли помолиться прямо на дорожные иконки над приборной доской – Матушке Богородице, Спасителю да Николаю Угоднику. То ли спеть длинную протяжную песню, и чтоб обязательно было в ней про ямщика.

Вот откуда это берется? Из какой памяти рассудка или памяти сердца? Ну, скажите, какие в наши дни ямщики?! В наши дни гаишники, дальнотойщики, таксисты, девушки известной профессии под названием «плечевые», придорожные кафешки с дрянным кофе и прогорклыми сосисками в тесте, продуваемые всеми ветрами остановки для рейсовых автобусов. Эти вечно пустующие остановочные павильоны с надписью «Погорелово – короли». И невольно задаешься вопросом: а есть ли здесь люди? Живут ли они здесь? Кого тут возит рейсовый автобус? Кто-то же оставил эту наскальную роспись?

И поют здесь и сейчас совсем другие песни и называют их почему-то «шансон». Однако «Новая Ладога» – это не Монмартр, кафе «У Васильича» не сможет эволюционировать в «Мулен Руж», и именно поэтому исполняет так называемый «шансон» не Шарль Азнавур или Эдит Пиаф, а какой-нибудь Лёха Магаданский.

Время меняет персонажей на обочинах русских дорог, меняет даже смысл названий. И вот «Новая Ладога» – изначально «Дорога жизни» получает в народе название «дорога смерти» за огромное количество ДТП, происходящих здесь в течение года. Но есть нечто неизменное, нечто, что спит где-то глубоко внутри, словно задремав от монотонного шума мотора или звона колокольчиков под дугой. И вот – кочка, ухаб, резкая вспышка фар на «встречке», визг тормозов! И оживает, и колется, и ворочается, и больно жжет, и давит неизбывной тоской.

И вот тогда так хочется петь и про ямщика, и про длинные версты, и про отца Николая, ну и про дом, про родимый, обязательно. И ничего больше не надо, ничего! И ничто не важно уже, только длилась бы эта бесконечная дорога и бескрайняя родина за окном. И снег чтоб летел с неба, и сталкивались поля с линией горизонта в ежедневном, обыденном и лишь иногда кровавом ДТП заката.

ХОЗЯЕВА ГОРОДА

Этой весной посчастливилось мне прогуляться по самой прекраснейшей, но и самой неухоженной части Вологды – по кроткой, как жизнь поэта, улице Рубцова и Набережной VI армии.

Великолепные деревянные дома там рассыпают едва ли не на глазах, а рядом с ними соседствуют солидные каменные особняки новой постройки. Их вылизанные до блеска внутренние дворики, как плешина на паршивом боку овцы, выделяются на фоне засыпанных мусором тротуаров. Изнутри так чисто все и правильно, а извне в авангардном натюрморте рассыпаны пустые пивные банки, бутылочки из-под боярышника, коробочки из-под сока, окурки и огрызки, прокладки и презервативы...

Как умиляют эти неперемные «страшилки»-таблички на высоких заборах. Они развешаны специально для местной юной гопоты и предупреждают о бешеных псах, злых охранниках и зорком видеонаблюдении. Но не напугать здешнюю шпану ни Цербером из Аида, ни Анубисом с автоматом, ни оком Мордора... Сказано ведь народом, что не ходят вологодские без ножа и не боятся вологодские ни шиша...

И зазывают к себе кафе и частные клубы с сомнительной репутацией. На их вывесках розовеют засиженные мухами женские груди и ляжки, и даже кажется, что стоит вокруг них запах, как от несвежей вырезки на витрине у мясника. И тут же – церкви, которые реставрируют десятилетиями, опустошенные и одухотворенные, по-прежнему святые, и в некоторых из них идут службы, и каждое утро распахивает Отец двери, ожидая детей своих, заигравшихся с вечера в мытарей, разбойников и блудниц.

Река Вологда посинела и вздулась, как старческая вена, и того гляди взорвется ледоходом. У берегов промоины, а в них крикают утки, оживленно по-соседски судачат о погоде: то о жестоких морозах прошедшей зимой, то о первом несмелом солнце, и поминуют по-свойски селезней да утиц, не долетевших да не дотянувших до тепла.

В этой части города легко себе представить, какой была наша областная столица когда-то давно, до всех революций. О, эта неспешная и седая провинция! Задеревеневшая снизу доверху – от дощатых тротуаров до шпилей на домах, во внешнем облике которых отразились все стили от классицизма до модерна. И палисадники, пусть и не резные уже, по-прежнему ограждают лоскуты земли перед окнами первых этажей, и там за штакетником виднеются оттаявшие клумбы с останками прошлогодних цветов.

В одном из таких палисадников растет растрепанный куст шиповника, похожий на нечесаную гриву городской сумасшедшей. В его ветвях с осени запутались янтарно-желтые крупные ягоды шиповника, они блестят под мартовским солнцем как драгоценные украшения, и делят этот клад между собой свиристели, невесть как оказавшиеся здесь, почти в центре города, да еще и весной.

Они звонко, как китайские колокольчики на ветру, щебечут, переливаются трелями. Они не боятся редких на этих улицах прохожих. И кажется мне, что если однажды придет Вологда в окончательное запустение, обезлюдует и обветшает, то вот такие веселые и уверенные птицы и станут истинными хозяевами города. По замолчавшим навеки улицам будут разноситься их перезвоны, как благовест будущего светлого воскресения.

ГОГОНА И НАДОЛОБА

Один молодой человек спросил меня, зачем сохранять диалекты: «Над теми, кто окает, люди смеются. Может, лучше с детства от вологодского говора отучать?»

И тут мне вспомнился недавний случай. У нас в деревне Полтинка живет кот Рыжик. Три года назад его выбросили проезжие дачники. Обычная история: каждую осень постоянные жители в деревнях берут на себя заботы о чьих-то живых игрушках.

Бродяга-кот получил тот же статус, что некогда вологодские пастухи, которые ночевали и столовались поочередно у всех владельцев скота в деревне, переходя из избы в избы. Только вместо коров и овец Рыжик «пасёт» мышей, отрабатывая свое содержание. Недавно пришла очередь нашей избы, и «мышиный пастух», налакавшись молока, устроился подремать на солнышке под окном.

Моя мама, потомственная крестьянка, глядя на Рыжика из окна, произнесла: «Кот лежит, как гогона». На мои вопросы, кто такой гогона, мама сначала пыталась ответить. Однако передать значение «гогоны» – это все равно что ловить ветер в сети. Гогона – это не красивый, не сытый и не ленивый. Гогона – это все вместе: красивый, сытый и ленивый, но есть еще «пятый элемент» – тот оттенок смысла, которому нет соответствия в нормативном языке. Устав от моих расспросов, мама привела последний аргумент: «Мать моя так говорила, и ее мать, прабабушка наша Авдотья Ивановна. Что ты как надоло-

ба?!» Подсказка: надолоба – это назойливый человек, чаще всего ребенок.

Тут мне представилось, как сидят у окна моя прабабушка Авдотья Ивановна, и моя бабушка Мария Дмитриевна, и моя мама Елена Евгеньевна, а вокруг бегают дети нашего рода – внуки и правнуки – и галдят, как надолобы, а на солнцепеке разлегся рыжий кот, как гогона. И похоже, это тот самый кот, который в вологодских колыбельных, спетых с протяжным «О», зыбку качает за горшок молока да кусок пирога.

Ну а что касается диалектов, то их не имеют лишь мертвые языки – латынь или язык древних ацтеков, к примеру. Не поют на нем колыбельных надолобам, и кот не мурчит, как гогона. И не смеется над ними никто, потому что это мертвый язык мертвого народа.

ПАПЫРЯ И СЛЮДЯШКА

Недавно с коллегами-журналистами обсуждали лингвистическую проблему: как называются емкости для переноски продуктов, в которых многие люди берут с собой обеды или перекусы на работу? Конечно, есть литературное нормативное слово «контейнер». Но чужое оно какое-то, образовано от английского глагола contain (содержать в себе, вмещать) с помощью суффикса -er (в английском так образуются существительные со смыслом «исполнитель действия»). И народ эту чуждость чувствует. И называет предмет по-своему на родном языке. Оцените, как душевно звучит название подобной емкости по-русски: кумочка, калабашка, колобашка, судок, балагузка, лакашка, плошка, папыря (так называют контейнеры в Никольском районе), ссобойчик, тормозок, перекуска, коробочка и – вот это мое любимое! – черепеня!

Некоторые слова отражают предназначение контейнера, например «перекуска». Другие – легкую народную иронию. Например, «тормозок»: времени на обед или перекус немного, значит, остановись, притормози, поешь и беги дальше по своим профессиональным делам. Третьи обозначения мы унаследовали от предков. Так, черепеня, согласно словарю Владимира Даля, это гончарная посуда, слово это было особенно распространено в псковских деревнях. Думаю, синонимический ряд на самом деле больше, в каждом регионе наверняка этот список можно удлинить еще на пару-другую слов, но это то, что мы вспомнили с коллегами за время беседы.

Напоследок расскажу еще одну лингвистическую историю, подслушанную мной в книжном магазине «Библиомакет» в Вологде. Мы с директором Ольгой Антоновой беседовали у кассы, вдруг забегают мужчина (по внешнему виду водитель-дальнобойщик) и говорит нам: «Девочки, дайте мне слюдяшку, пожалуйста!» Мы: «Что дать?!» Мужчина: «Ну, слюдяшку! Слюдяшку такую прозрачную, чтоб бумажку туда засунуть! Чтоб не мялась!» Показывает накладную на груз, распечатанную на листе бумаги формата А4. До нас доходит, что водителю нужен файл. «Это называется «файл», но ваше слово мне нравится больше!» – делаю я комплимент водителю. «А то! – смеется он. – Велик и могуч русский язык!»

На том и порешили.

ЧУВСТВО ВЫСОТЫ

На одной любопытной пресс-конференции состоялась «фантастическая» фотосессия для гостей мероприятия: встаешь на специальную разметку на полу, фотограф снимает тебя сверху, со стула, а потом – ап! чудеса фотомонтажа! – оказывается, что на печатном снимке ты стоишь на крыше небоскреба в каком-то суперсовременном городе, должно быть, где-то в Нью-Йорке, а может, и в Гонконге.

Для меня это, пожалуй, единственная счастливая возможность сфоткаться где-то на крыше, потому что я дико боюсь высоты. В детстве на заброшенной зерносушилке тренировала себя не бояться. Почти получилось.

Зерносушилка – это был наш местный небоскреб. Сбежишь с уроков в мае в солнечный день, когда невыносимо париться за партой, и укроешься на зерносушилке. А шифер такой горячий! А солнце такое ласковое! И пронизывает насквозь тепло и от крыши, и от лучей. С собой брали апельсиновый или мультифруктовый сок, болтали и загорали. Сейчас все механизмы зерносушилки разрезаны на черный металл, кирпич растащен на подсыпку дорог, а вернее, деревенского бездорожья.

А рядом развалины фермы. Ее строили шефы – рабочие с Вологодского вагоноремонтного завода в 60-е годы. Столбы-опоры были бетонные, а пролеты между ними – деревянные. Парни-рабочие дружили с юными девушками-доярками. У моей мамы и ее подружки Вали тоже были свои поклонники. На мокром бетоне опор однажды парни написали «Валя» и «Лена». Таким образом они увекове-

чили имена возлюбленных в местной архитектуре. Ферма была самая современная по тем временам.

Придешь сейчас к останкам сушилки и скотника, и грустно так делается. Кто не знает истории моей деревни (а кто ее знает, кроме нас, местных жителей?), тот вообще ничего особенного тут не увидит. Так... Мусор, бетонные плиты, заросшие малинником, да битый кирпич. Ни имен, ни фамилий, ни названий...

Мир стал совсем другой. Не склонный к сантиментам, не умеющий оглядываться в прошлое. «Будущее за высокими технологиями», – внушают нам. Уже сконструированы портативные летательные аппараты, которые могут заменить автомобили; «умные больничные койки», сами следящие за здоровьем больного; дома, самостоятельно регулирующие расход коммунальных ресурсов и охраняющие хозяина... Самые невообразимые чудеса техники, выдуманные писателями-фантастами, становятся реальностью. Будущее – это власть техники, более всемогущей, чем ее создатель-человек. К тому же следующий этап прогресса – это техника, которая не только сама себя обслуживает и контролирует, но и сама себя создает. Зачем ей мы, люди?

И вот тут вопрос: а у человеческого сердца, юного и смелого, есть будущее? Оно всё то же, и так же хочет счастья, свободы и любви. Это единственная высота, которая для некоторых из нас недостижима вовсе, а для некоторых – дана с рождения, как королевский титул, как умение не страшиться будущего, пусть даже и зависящего от высоких технологий.

МЕЖДУ МИРАМИ

Мой девятнадцатилетний племянник Саша разместил «ВКонтакте» фотографию с места своей работы. Обычная история. Ничего особенного. Каждый день в соцсетях появляются тысячи снимков, на которых парни в деловых костюмах чинно восседают за компьютерами или зажигают на корпоративных вечеринках.

Но фото Сашки произвело фурор. Все потому, что он работает скотником на ферме. В кадре Сашка, одетый в зеленую рабочую форму, стоит ровно по центру, справа к нему ласкается звезда надоев Тишка, а слева – гламурная буренка Лола. В руках у Сани гаджет, совмещающий две функции – уборка коровьих лепешек и разравнивание опилок (подсказка для тех, кто отстал от высоких технологий, – это тяпка).

Мой племянник так сильно эпатировал публику, что, узнай об этом начинающие поп-звезды, они бы умерли от зависти. «Ф-ф-фу! Постыдилась бы!» – такие комментарии оставляли ровесники под Сашкиным фотоснимком. В мире, где они живут, не возбраняется быть олигархом, моделью, фотографом, журналистом, звездой шоу-бизнеса, депутатом Госдумы, на худой конец юристом, экономистом или менеджером по продажам. В стране Гламурии молочные и мясные продукты, впрочем, как и другие товары, сами собой произрастают на полках супермаркетов и бутиков. Мало того, есть сведения, что звезды шоу-бизнеса вообще не питаются, а в туалет заходят исключительно попудрить носик.

В это время в другой стране – в России – не хватает рабочих кадров: доярок, комбайнеров, токарей, фрезеровщиков, сварщиков... Наверное, из-за тяжелого климата в РФ не произрастают деревья, плодоносящие йогуртами «Данон-Активия». В этом государстве народ безнадежно отстал от прогресса: почему-то нельзя, брезгливо подергивая пальчиками, взять одну свеклу, нажать «копировать» и произвести несколько тонн овощей. А, кстати, изначальная, первая свекла, она откуда берется? Ее можно скачать в Интернете?

Мой племянник знает, как обращаться с сайтами земли, и может скачать с них не только свеклу. Он умеет доить коров, плотничать, ловить рыбу... Он только не понимает: почему в этом мире стыдно быть тружеником и совсем не совестно стать очередным прожигателем жизни?

ФАНТАСТИКА ДЕРЕВНИ

Городских читателей удивляют некоторые эпизоды моих рассказов о деревне. Они кажутся горожанам такими же фантастическими, как жизнь на Луне. К примеру, городские читатели меня спрашивают, правда ли, что коровы любят сладкое? И очень изумляются, когда я рассказываю, как некоторые животноводческие фермы даже закупили отходы с кондитерских фабрик на корм буренкам. Хуже всего знает деревню молодежь из мегаполисов. Для них мои рассказы – что-то типа заметок с Марса или Юпитера.

Недавно мне опять довелось наблюдать «фантастическую» сцену в одном из колхозов Сокольского района, которую, включи я ее в рассказ, точно будут

принимать за вымысел. Правда, по просьбе работников колхоза я не буду говорить, как называется это предприятие. Вообще-то, это и не колхоз вовсе, а ООО. Но как говорит его председатель-балагур: «Придумали – СХПК, ООО, ЗАО – язык свернешь! Три буквы и на заборе бывают написаны, подошла бабка посмотреть, а там сучок! А мы – колхоз! И звучит это гордо! Колхоз – так и пишете!»

Так и пишу: побывала я в колхозе совсем недавно. Как и всюду на селе, там в июне-июле разгорается нешуточная борьба за корма – идет силовосование и сенокос. Практически день и ночь трудятся механизаторы, полеводы и агрономы. И чтобы обеспечить их горячей пищей, на предприятии открыли бесплатную столовую. Всех труженников (не только полеводов, но и животноводов) кормят обедом, а тех, кто работает по ночам, еще и ужином. Кстати, и нас, журналистов, накормили, сказали, что свой трудодень мы тоже отработали.

Но самое удивительное – в столовой стояло фортепьяно. На мой вопрос, кто играет, повар ответила: «Так известно кто – председатель наш! Как взгрустнется ему, так и играет! Мужики, которые хотят, потанцуют. Жаль, расстроено наше пианино!» Нас только идиллически это все выглядело, будто в советском кино, что я не донесла ложку до рта и с изумлением посмотрела на обедающих рядом со мной трактористов. Думала, подвох, шутка, сейчас все дружно захохочут. Но мужики, черные от загара, лишь скромно и сдержанно улыбались: «Танцуем. А что? Всякий свою грусть по-своему избывает. А председатель наш, бывает, нам еще и частушку споет. Он у нас и на гармонии еще играет, и на гитаре».

Вот такой диалог. Вставлю в рассказ, опять городские читатели скажут – придумала, не бывает такого в наше время! Напомнят, что и колхозов-то уже нет, одни, мол, ООО и ЗАО остались. Заявят, что и люди такие повывелись. И, конечно же, найдутся и самые яростные скептики, те, чьи сомнения сильнее фактов, те, кто скажет, что таких крестьян и вовсе нигде и никогда, кроме как в советском кино, не существовало.

Что тут скажешь? Хотите – верьте, а хотите – проверьте. Не пожалеете о поездке: вот только обед свой в том колхозе заработать надо. Тунеядцев там не любят, а музыкантов очень даже уважают. Если сыграете на фортепьяно – первое, второе и компот обеспечены!

ПЛЯЖ

Пляж – это перекресток стихий. Здесь вода лижет ноги земли под угрозой солнечного удара. Перед водой все равны, она принимает любого в свои влажно-нежные объятия. А на земле равенства нет. Этот урок мы, деревенские ребята, выучили на реке Комеле.

Пацаны и девчонки приезжали на пляж на ободранных великах. Грунтовая дорога вилась мимо поселка из коттеджей за высоченными заборами. Самым страшным был поворот у первого дома. Из ворот (всегда открытых!) выскакивал ротвейлер и с жутким лаем бросался на нас. Хозяева коттеджа загорали в шезлонгах. Жарили шашлыки. Играли в теннис. Они ни разу не прикрикнули на собаку. И специально не закрывали ворота: они хотели, чтобы мы запомнили – здесь живут очень богатые люди и у них есть очень-очень злая собака. Таких, как мы, она сразу порвет на много-много маленьких голодранцев.

На речке у каждой машины на земле лежали пляжные коврики и скатерки с едой. Наши городские сверстники купались под надзором взрослых, капризничали, не хотели вылезать из воды, но потом сдавались под лавиной угроз и уговоров и попадали в теплые махровые оковы полотенец. А потом сидели дрожа на ковриках и уплетали черешню или булки, пили лимонад.

Мы плавали сколько влезет, до синевы на губах. Пригали с тарзанки. Отжимали в кустах трусы и потом сушили у костра. Руками ловили налимиков под камнями и запекали их в глине. В консервных банках кипятили чай, заваривая дикую смородину. От нас боязливо, как от чумы, оттаскивали городских ребятшек: «Это чужие детки, Валерик!»

Но все изменилось, когда нам исполнилось лет по шестнадцать-семнадцать. Лохмотья с китайского рынка пали, обнажая тела юных спартанцев. Теперь «валерики» и «дашеньки» еще сильнее хотели играть с «чужими детками». Да и сами мамы и папы были не прочь. Хозяин постаревшего ротвейлера, стоя у ворот, загнав собаку в гараж, плотоядно обшаривал нас глазами и пытался говорить на нашем языке: «Пацаны, девчонки, заходите! Есть пиво! Жена в городе!» Мы смеялись: день назад точно так же нас зазывала его супруга. Но мы верили только в нежность воды, прощающей всегда и всех. Лишь она была и будет нам ровней.

ГРОЗА НА КОМЁЛЕ

Психологи установили зависимость кулинарных предпочтений от характера и настроения человека. По их мнению, сладкоежкам не хватает в жизни мягкости и заботы со стороны близких людей, а люди, которые боятся ссор и споров, настолько сильно опасаются подавиться костями, что почти никогда не едят рыбу.

А я вот из тех, кто рыбу просто обожает, но не потому, что мне нравится ссориться, а потому, что в моем сознании она прочно связана с образом отца. Мой папа был заядлым рыбаком и часто брал меня с собой на реки и озера. Одно из первых, дошкольных еще воспоминаний, смутных, как очертания леса за стеной ливня, – гроза на реке Комёла неподалеку от деревень Неверовское и Никульцево. Сейчас там находятся дачи состоятельных людей, а когда-то на месте их газонов и коттеджей располагалась летняя дойка и паслись коровы.

Работники фермы, включая и моих родителей, несмотря на тяжелый труд, иногда все-таки улучали минутку, чтобы выбраться на Комёлу. Женщины зачастую даже не купались, а просто прогуливались по водичке вдоль берега, скинув сапоги и тапки, подобрали подолы. Мужчины – рыбачили. Вот и мы с отцом после вечерней дойки однажды отправились за налимами. Ловили их руками под камнями, поднимаясь по перекатам вверх по течению. Шли по мелко-

те, переплывали глубину. Предполагаю, что стоял июль, потому что гроза началась так внезапно, как это бывает только на переломе лета. От вида молний и сильного ливня меня охватил восторг – так дети, бывает, радуются фейерверкам.

А вот отец, кажется, боялся, что я испугаюсь грозы, потому что он вдруг начал весело напевать: «По реке ходила большая крокодила», а также мою любимую песенку из «Бриллиантовой руки» про то, что «не растет кокос». Помню маму, которая ждала нашего возвращения на пляже, помню, как втроем бежали под ливнем до деревни. Нас пустила на ночлег какая-то сердобольная старушка: сладко спалось под шум ливня в ее маленькой избе. А утром снова вернулись на реку, чтобы сварить на берегу уху из пойманных нами налимов.

Вспоминаю сейчас эту рыбалку, и в памяти воскресает библейское: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» У Отца Небесного довольно для нас и хлеба насущного, и рыбы в реках любви, и таких дней, про которые запомнишь, что все в этот день в мире было прекрасно, и наивно казалось, что так будет всегда и никакие грозы не помешают бездонному счастью.

□

Наталья МЕЛЁХИНА –

прозаик и критик из Вологды.

Окончила факультет филологии,

теории и истории изобразительного искусства

Вологодского педагогического университета.

Лауреат конкурса журнала «Север» «Северная звезда-2012»,

Международного Волошинского конкурса (2013 и 2014),

Балашовской премии (2017) и других.

Печаталась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Север»,

«Лад Вологодский», в альманахе «Охотничьи просторы».

Автор пяти книг прозы.

